

Ци Цзиншэн взял с собой короткодистанционный коммуникатор, переоделся в чёрное и, пользуясь глубокой зимней ночью, вышел из Павильона Чэнсинь. Он двинулся по знакомой тропинке и проник в храм предков.

Кадры с камер наблюдения на пути были заменены Сяо Цзю на заранее записанные видео с ночным ветром, пролетающим через сады и леса. Ци Цзиншэн, как кошка, перепрыгнул через высокую стену храмового двора. Войдя во двор, он услышал, как сторож, сидя у терминала, напевает старинную мелодию.

В зимнюю ночь все двери и окна храма были плотно закрыты. Ци Цзиншэн, ощупывая оконную раму, отсчитал пятнадцать резных панелей, снял перчатки и достал из кармана две ручки с присосками. Он прикрепил их к стеклу, аккуратно поднял и вынул стекло из рамы.

Осторожно положив стекло в сторону, он прыгнул внутрь, задернул шторы, надел маску и, взяв с собой холодный световой фонарь, подошёл к большой курильнице. Лёг на спину и залез под неё.

Сначала он достал из кармана на бедре маленький флакон, открутил крышку и вынул кисточку, похожую на щёточку для бровей. Он смочил её жидкостью из флакона и начал наносить её на уже вдавленный квадрат на металле.

Жидкость была очень жидкой, почти как вода, но через несколько минут после нанесения твёрдая поверхность сплава стала мягкой.

Пролежав так около пятнадцати минут, Ци Цзиншэн достал толстый кусок холста и провёл им по размягчённой поверхности. Слой сплава сошёл.

Повторив это три раза, он достал из кармана на груди маленькую коробочку, приложила её ко дну курильницы и посмотрел на цифры на экране. Толщина сплава оставалась два сантиметра. Ещё пару дней, и он сможет проделать отверстие.

Ци Цзиншэн медленно выдохнул, вылез из-под курильницы, бесшумно выбрался через окно, поставил стекло на место и вернулся в Павильон Чэнсинь.

Больше месяца назад он, следуя инструкциям Сяо Цзю, подготовил всё необходимое оборудование и впервые пробрался в храм предков, обойдя множество камер в Усадьбе Шэньюань. После долгого исследования он обнаружил, что в толстом дне курильницы находится пространство размером десять на десять сантиметров и высотой два-три сантиметра.

От анализа состава соскобленного металла до создания жидкости, способной растворять сплав, прошёл целый месяц, включая время на подготовку к экзаменам. И до сих пор он не смог пробить толстое дно.

Но Ци Цзиншэн не мог оставаться в храме дольше. Усадьба Шэньюань, насчитывающая сотни лет истории, охранялась бывшими солдатами специальных войск. Сяо Цзю не мог использовать технологии, слишком опережающие время, и поддельные кадры могли скрывать его присутствие не более чем на час или два.

Он, весь продрогший, вернулся в Павильон Чэнсинь и взял Сяо Цзю в руку.

— Что-нибудь подозрительное?

Сяо Цзю радостно ответил.

— Нету! Охрана в комнате мониторинга коллективно смотрит фильм с любовными сценами□\ □□▽□□/□

Фильм с любовными сценами...

Ци Цзиншэн:

«...»

Сяо Цзю заметил его выражение.

— Ой, я забыл, тебя интересуют фильмы с мужскими любовными сценами, да?

Ци Цзиншэн закрыл его в коробке.

Тридцатилетний духовный разум, старик, притворяющийся невинным!

Конечно, Сяо Цзю не посмел сказать это вслух, он только ворчал, протестуя через волны.

— Хотя бы положи меня на подставку!

Ему ведь не нужно было спать, а с подставки он мог наблюдать за многими интересными вещами в этом мире.

Ци Цзиншэн, не выдержав его ворчания, встал и бросил его обратно на подставку, укрылся одеялом и заснул.

На следующий день он пошёл в школу за списком книг на каникулы, а затем зашёл в дом семьи Ли, как раз когда Ли Хэ собирался выходить с Шан Сяоханем.

Шан Сяохань сразу подошёл к нему.

— Брат Цзин, сегодня будем тренироваться?

Ци Цзиншэн не мог понять, зачем Шан Сяоханю нужно было идти куда-то с Ли Хэ, и почувствовал лёгкую ревность.

— Сегодня нет, а вы куда собираетесь?

Шан Сяохань почесал затылок.

— На Западное кладбище.

Ци Цзиншэн не смог сдержать ревности. Шан Сяохань собирался пойти на кладбище с Ли Хэ?!

— Разве поклонение предкам не происходит в последний день года?

— Э-э, мы не так строго соблюдаем традиции, — объяснил Шан Сяохань, который только начал изучать сложные ритуалы знатных семей. — Мой отец потерял родителей в юности и приехал в созвездие Цилинь из созвездия Лиры, а мать была сиротой. У нас нет предков, которых можно было бы почтить. Просто хочу навестить их перед Новым годом, не обязательно в определённый день.

В последний день года общественный транспорт ходит реже, и передвигаться будет сложнее.

Ли Хэ, размахивая ключами от машины, похвастался перед Ци Цзиншэном.

— Ха-ха, я только в понедельник получил права, и теперь могу отвезти младшего брата Сяоханя на нашей машине. У нас, простых людей, нет таких строгих правил, как у вас.

Ци Цзиншэн, который был на семь месяцев младше Ли Хэ и ещё не мог получить права, почувствовал ещё больше ревности.

— Сегодня у меня нет дел, я пойду с вами.

Он не мог позволить Ли Хэ одному стоять перед могилами родителей Шан Сяоханя.

— Брат Цзин идёт? — Шан Сяохань хотел рассказать родителям о своих планах, и, конечно, о Ци Цзиншэне, который помогал ему учиться и заботился о нём. Но, учитывая статус Ци Цзиншэна, — это уместно?

Ци Цзиншэн обнял его за плечи.

— Господин Шан Чэн пожертвовал своей жизнью, защищая империю. В ближайшие годы я тоже пойду служить в армию. Как гражданин империи и будущий солдат, я могу возложить цветы и зажечь благовония на могиле героя, разве это неуместно?

— Хорошо, брат Цзин, ты всегда прав, — сказал Шан Сяохань, садясь в машину с приготовленными фруктами.

Ци Цзиншэн погладил его по голове и слегка щёлкнул по лбу.

— Правильно, я всегда прав, не зря я старше тебя на три года.

За несколько месяцев Шан Сяохань подрос и стал всё больше походить на того человека, которого он помнил.

Шан Сяохань, который часто тренировался с ним и привык к физическому контакту, не видел ничего странного в такой близости. Он высунул язык.

— Ты что, старичок, хвастаешься своим возрастом?

Ли Хэ, смеясь, хлопнул по рулю.

— Ха-ха-ха, старина Ци, ха-ха-ха...

Ци Цзиншэн, не желая обижать Шан Сяоханя, шлёпнул Ли Хэ по плечу.

— Веди машину аккуратно, старина Ли, помни, что ты старше меня на семь месяцев!

Они ехали, смеясь и разговаривая, но, приближаясь к Западному кладбищу, все замолчали. У подножия горы они зашли в магазин похоронных принадлежностей, купили благовония и свечи и медленно поднялись на гору.

Шан Сяохань нёс вещи для своего отца, а Ци Цзиншэн и Ли Хэ купили по два белых хризантемы и возложили их к памятнику у входа на кладбище.

Они шли по тропинке вверх, встречая по пути несколько других посетителей. Шан Сяохань шёл впереди, молча, а Ци Цзиншэн и Ли Хэ тихо следовали за ним.

Перед смертью Шан Чэн оставил завещание, и, несмотря на то, что это было военное кладбище, его похоронили вместе с прахом матери Шан Сяоханя. Чэнь Чжэнь уже устраивала скандал по этому поводу, используя это как предлог для того, чтобы не кормить Шан Сяоханя.

Когда её критиковали за жестокое обращение с ребёнком, она плакала и жаловалась, что прожила с Шан Чэном восемь-девять лет, вырастила его дочь и заботилась о сыне, а в итоге его похоронили с другой женщиной.

Шан Сяохань сначала считал, что в этом нет правых и виноватых. Ведь никто уже не верил в реинкарнацию или бессмертие души. Человек умирает, и с кем его похоронят, зависит от обстоятельств смерти.

Но когда Чэнь Чжэнь окончательно показала своё истинное лицо, он понял, что это был всего лишь предлог.

Прошло полгода, и теперь, стоя перед могилами родителей, он чувствовал себя совсем по-другому.

Все планы, которые он приготовил рассказать родителям, остались невысказанными. Шан Сяохань зажёл благовония, встал на колени и поклонился. Несколько раз открывал рот, но в итоге только тихо сказал:

— Отец, мама, у меня всё хорошо. Я стараюсь учиться, у меня есть хорошие друзья. Я буду жить хорошо, не волнуйтесь.

Ли Хэ молча поклонился и отошёл в сторону, чтобы не мешать. Ци Цзиншэн остался на месте и тихо прошептал:

— Дядя Шан, если ваша душа всё ещё беспокоится, можете успокоиться. Я позабочусь о Сяохане.

Шан Сяохань очистил основание памятника, протёр керамическую фотографию и, не задерживаясь, тихо сказал:

— Брат Цзин, брат Ли, пошли. Спасибо, что пошли со мной.

Ци Цзиншэн тихо обнял его за плечи.

— Ты уверен, что не хочешь остаться ещё?

Шан Сяохань медленно выдохнул.

— Если у меня всё хорошо, они будут рады. Долго ли я здесь пробуду — это уже формальности.

<http://bllate.org/book/17699/1652364>